

НАРРАТИВНЫЙ ПОДХОД К ЯЗЫКОВОМУ РЕКОНСТРУИРОВАНИЮ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМЫ

Н.Б. Карабущенко, Т.С. Пилишвили, С.Н. Сорокоумова

Аннотация. Рассматривается нарративный подход в психологическом консультировании как результат общего нарративного поворота в социальных и гуманитарных науках, начавшегося во второй половине XX в. В отличие от других школ, нарративный подход рассматривает речь как ключевую метафору консультирования, служащую источником положительных изменений и улучшения качества жизни личности. Приводится описание лингвистических закономерностей психотерапевтического нарратива в диаде «клиент – психолог» как особого вида дискурсивной практики. Обосновывается идея, что языковое реконструирование проблемы способствует формированию ресурсных аспектов нарративного Я личности. Раскрываются особенности беседы в нарративном подходе, в том числе проблема экстернализации и ее реконструкция. Показано, что благодаря особому вниманию к языку со стороны психолога и самого клиента нарративный подход рассматривает гораздо более широкий круг социальных, психологических и философских дискурсов, которые формируют целостное нарративное Я, способное к самореконструкции, самоинициированию. В этой связи нарративный подход приобретает особое значение, поскольку в нем было предложено исследовать смысловую структуру изменяющейся во времени идентичности личности в отличие от преобладавшего в XX в. позитивистского взгляда на личность как совокупность относительно стабильных психических атрибутов. Для осмыслиения своего опыта личность применяет широкий диапазон культурно закрепленных сюжетов, использует заданные правила построения рассказов о себе, посредством чего выстраивается жизненная история субъекта, а затем и его идентичность. В нарративном подходе воплощение потенциала личности определяется ее готовностью к конструктивной активности, инициативному поведению, преодолению требований внешней среды посредством не пассивного приспособления к ней, а аутентичной неадаптивной самодетерминации в ходе непрерывного становления субъектности. Последняя осмысливается как самоинициирование личности, т.е. собственно субъектная характеристика, отличающая личность, способную на активное преобразование действительности через продолжение в ней своего «нарративного Я», внутреннюю гибкость и вовлеченность в происходящие с человеком внутренние и межличностные события.

Ключевые слова: нарративный подход в psychology; дискурсивная практика; Я как нарратив; языковое реконструирование проблемы.

Введение

Так называемый нарративный поворот в психологической науке и практике в середине 1980-х – начале 1990-х гг. стал пусть и несколько запоздалым (по сравнению с аналогичным процессом в истории, антро-

пологии, социологии, экономике, юриспруденции), но закономерным продолжением общего «лингвистического поворота» в философии XX в., своеобразной точкой отсчета для развития новой гуманитарной парадигмы с фокусом внимания ученых и практиков на познании реальности с помощью его текстового понимания [1. Р. 33].

Несмотря на то, что еще со времен З. Фрейда психотерапия стала пониматься психоаналитиками как the talking cure, общий интерес психологов к языковым реалиям как инструменту психологической работы был достаточно невысоким вплоть до конца XX в. [2]. Данный факт, по-видимому, объясняется тем, что язык выступал скорее средством презентации, посредством которого может быть получен напрямую доступ к прошлому опыту человека, его мыслям и чувствам. Корневой же метафорой для психологической практики последовательно становились такие психические явления, исторически берущие начало в психофизиологической парадигме, как бессознательное и эдипов комплекс в рамках психоанализа, несводимость целого к сумме его частей в рамках гештальт-психологии, высшие психические функции в культурно-исторической психологии Л.С. Выготского, компьютерная метафора в когнитивизме, пирамида потребностей и самоактуализация в гуманистической психологии [3. С. 89].

Однако существенные шаги к построению качественной традиции в психологии как гуманитарной науки стали предприниматься уже с 50-х гг. XX в. в рамках структурализма Ж. Лакана, который в 1953 г. произнес свою знаменитую «Римскую речь» на Конгрессе романоязычных психоаналитиков в Риме о требовании «возвращения к Фрейду». Именно у Ж. Лакана бессознательное стало трактоваться как скрытый механизм знаковых систем, когда опора на язык как проявление структуры бессознательного создала возможность его рационального изучения [4].

Примечательно, что структуралисты считали одним из своих предшественников русского филолога-фольклориста В. Проппа, который, осуществив глубокий анализ морфологических особенностей русских народных сказок, сделал справедливый вывод о содержании устойчивого набора некоторых элементов в известных всем сюжетах. В 1928 г. в своей работе «Морфология сказки» В. Пропп выделил 31 повторяющийся постоянный элемент (функции действующего лица), что стало точкой отсчета в структурно-типологическом исследовании нарратива [5. С. 26]. Работа В. Проппа существенным образом повлияла на рост структуралистских исследований в сфере фольклорных, мифологических, литературных текстов во многих гуманитарных науках, включая психологию [6]. В рамках последней понимание В. Проппаозвучно идеям К.Г. Юнга, который обратил внимание на характер особого влияния архетипических сюжетов и образов на индивидуальный жизненный опыт отдельно взятого человека [7].

Понятие нарратива как вербального изложения возникло во второй половине XX в. в философии постмодернизма с целью противопоставить языковой акт представлению. Согласно Р. Барту, нарратив является ценным сам по себе уже потому, что процессуальность рассказа разворачивается ради самого повествования, а не с целью прямо воздействовать на действительность. С этой позиции на первый план выходит функция нарратива, связанная с реализацией символической деятельности [8].

Постмодернисты заимствовали термин «нarrатив» из исторической науки, в которой под нарративной историей А. Тойнби, П. Рикер, Дж. Каллер, Ф. Кермоуд понимали не онтологию исторического процесса, а интерпретацию исторических событий, заключенную в повествовательный контекст. Так, Х. Уайт отмечал, что рефлексия прошлого всегда представляет собой рассказ, организованный извне. Нарратив имеет в качестве кульминационного момента финал, что отличает рассказчика истории от героя, находящегося в центре событий. Если герой лишен знания о развитии события, то рассказчик уже изначально обладает представлениями о перспективах его завершения. По Р. Ингардену, лишь завершенная история обретает свой смысл. Эту идею продолжил Ф. Кермоуд, утверждая, что только за счет наличия некоторого завершения истории, о котором с самого начала знает рассказчик, возникает своеобразная точка притяжения всех сюжетных линий повествования в общий локус внимания.

По мнению Х.-Г. Гадамера, подлинная свобода реализуется именно посредством всего многообразия нарративов, поэтому все, что человечно, может быть высказано. Согласно Ф. Джеймсону, нарративная процедура фактически творит реальность и одновременно подтверждает свою относительность, неспособность адекватно презентовать некую вненарративность реальности. Следовательно, нарратив у постмодернистов представляет собой рассказ, который в каждом новом случае может быть передан иначе. Под нарративом А. Данто понимает так называемый объясняющий рассказ, т.е. субъективное повествование, при котором не столько пересказываются объективные события, сколько становятся доступными для внутреннего постижения глубинные причинно-следственные связи.

Термин «нarrативная психология» ввел Теодор Р. Сарбин в своей книге 1986 г. [9. Р. 7]. В работе он отмечал, что человеческое поведение лучше всего объясняется в рассказах. К примеру, Т.Р. Сарбин утверждал, что narrative является корневой метафорой для психологии, поскольку в нарративах соединяются факты и вымысел, определяющие опыт конкретного человека, который может быть исследован качественными методами психологии. Одновременно с Т.Р. Сарбином указанные явления эмпирически исследовал американский психолог

когнитивист и педагог Дж. Брунер, который в 1981 г. занял должность профессора в Новой школе социальных исследований в Нью-Йорке, где он в течение десяти последующих лет работал над развитием теории нарративного конструирования реальности [10]. Брунер считает, что жизнь является чередой повествований и субъективных восприятий тех или иных историй. Таким образом, по мнению автора, цель нарратива состоит, прежде всего, в субъективации мира. Возникновение нарративного подхода в психотерапии и психологическом консультировании связано с именами М. Уайта и Д. Эпстона, которые в 1990 г. опубликовали книгу «Нарративные средства достижения психотерапевтических целей» [11].

В данной статье обсуждается следующая проблема: как реализуется потенциал личности в нарративной практике, каким образом языковое реконструирование проблемы способствует готовности личности к конструктивной активности, проявлению инициативы, преодолению себя и требований внешней среды посредством не пассивного приспособления к ней, а аутентичной неадаптивной самодетерминации в ходе непрерывного становления субъектности? Гипотеза, которую мы будем обосновывать далее, заключается в том, что нарративный подход в психологической практике связан с самоиницированием личности, собственно субъектной характеристикой, отличающей личность, открытую к активному преобразованию действительности через продолжение в ней своего нарративного Я.

Методология

Методология исследования основана на сравнительно-историческом анализе понятий «реконструкция проблемы» и «нарративное Я» в истории нарративной практической психологии как особой дискурсивной практики.

Нарративный подход в практической психологии как особая дискурсивная практика. Современная нарративная психология, обозначаемая как «третья когнитивная революция», вслед за второй, дискурсивной психологией [12], представляет собой не только довольно молодое междисциплинарное и активно развивающееся направление теоретических и прикладных научных исследований, но и самостоятельный вид практической деятельности консультативных психологов, нередко опережающий теорию [13, 14]. В целом, обобщая нарративный подход в психологии, можно сказать, что он предполагает: 1) использование базовой философской метафоры контекстуализма как текущего действия, понятого в своих структурно-функциональных деталях и во взаимоотношении с той системой, частью которой они являются [9]; 2) опору на социальный конструктивизм в представлениях о личности [15], что по

ряду позиций близко культурно-исторической концепции Л.С. Выготского [16, 17]; 3) особое внимание к дискурсу, процессу рассказывания истории как важным средствам проектирования и воссоздания личностного и социального опыта [10]. Философскими основаниями нарративного подхода в практической психологии являются постструктурализм, постмодернизм, феноменология, а также социальный конструктивизм.

С позиции постструктурализма (М. Майр, К. Герген, Г. Принс, Т. Сарбин и др.) нарративный подход в практической работе психолога может быть проанализирован как особая дискурсивная практика. Она может быть изучена с различных точек зрения: 1) как конституирующая составляющая социальной практики, в процессе которой изменяется характер жизнедеятельности человека и общества; 2) как комплекс средств для написания, перцепции и интерпретации определенных рассказов в заданной социально-психологической области; 3) как способ устного речевого поведения в определенной социально-психологической сфере или социальном институте, который связан с выражением повседневного жизненного опыта и знаний участников коммуникативного процесса.

Постмодернизм в нарративном подходе в психологии выражается, прежде всего, в продолжении идей М. Фуко. Автор показал, что представления о норме и патологии в разных обществах и в разные эпохи во многом определяются социальными институтами [18]. В нарративном подходе специалисты обратили внимание на то, что люди склонны соглашаться с определенными доминирующими в обществе представлениями как с непререкаемыми истинами, ограничивая собственную свободу выбора. Встреча с нарративным консультантом помогает клиенту вспомнить события, на которые он не обращал внимания, поскольку они не вписываются в его привычный образ Я. Постепенно, анализируя свой опыт, можно научиться оперировать все большим числом событий и постепенно открыть новую историю собственной жизни.

Продолжая развитие идей феноменологии, нарративный подход в практической психологии нацелен на восстановление истории, воспроизведение специфики жизненного мира автора, непосредственного опыта, чувств и мыслей рассказчика. В данном контексте нарративные психологи разделяют точку зрения на личность как субъекта, активно и осознанно прорабатывающего свой опыт, способного к высокому уровню рефлексии.

С позиции социального конструктивизма нарративный подход в психологическом консультировании опирается на принципы активного конструирования отдельной личностью и обществом собственного жизненного опыта, различных вариантов действительности, своей

идентичности, что становится возможным посредством применения заданных культурных программ и моделей [19]. Понимаемая в качестве стратегии преобразования социальной реальности нарративная метафора воспроизводится посредством знаковых систем или, согласно П. Вацлавику, так называемых реальностей второго порядка. Американский психолог разделяет действительность первого порядка, имеющую дело только с физическими, объективно устанавливаемыми свойствами предметов за счет адекватности человеческих ощущений и восприятия, а также объективности, способности к научной верификации. К реальностям же второго порядка относятся смысловой и ценностный атрибут предметов, основанный на коммуникации [20]. Язык, вербальные средства общения возникают и применяются в конкретном культурно-историческом ракурсе, вне которого они оказываются изолированными от действительности. Следовательно, при использовании нарративного подхода в психологическом консультировании речь клиента, его языковые особенности выступают в качестве способа выстраивания им его собственной реальности.

Итак, с позиции нарративного подхода речь играет важнейшую роль в психологическом консультировании не только как самостоятельный предмет качественных исследований, но и как источник позитивного изменения и роста качества жизни клиента. Посредством языка психолог и клиент создают единое контекстное поле. Взаимодействие в диаде «психолог–клиент» можно рассматривать как дискурсивную практику, в которой каждый из участников выражает себя троекратно: как субъект жизни, как субъект общения и одновременно как субъект культуры [21, 22].

Результаты исследования

В нарративной терапии лингвистические паттерны человека, прежде всего, являются речевыми действиями, посредством которых он конструирует определенные версии себя и своего жизненного мира [23]. Согласно Д. Хайлсу и И. Чермаку, нарративная терапия соединяет в себе методологическую перспективу, центрированную на анализе, с одной стороны, ситуативно-обусловленного и вписанного в социальный контекст речевого действия, с другой – активно изменяющего свой жизненный путь посредством повествования субъекта [12]. В нарративном подходе в практической психологии личностью не просто сообщаются отдельные разорванный факты, в большинстве случаев она выстраивает логичный рассказ, который увязывает отдельные факты автобиографии в некое единство, когда на основе ряда законченных повествований вырисовывается единый большой нарратив субъекта, его жизненная история.

Психолог в нарративной терапии, в отличие, например, от психоаналитика, не считает, что есть некая единная правда, детерминирующая настоящее и тем более будущее человека и способная быть обнаруженной в прошлом клиента [24]. Работая с клиентскими историями, психоанализ исходит из допущения, что клиент каким-то образом знает то, что имеет для него психотравмирующее значение, хотя и не может об этом рассказать. Следовательно, требуется приблизить клиента к актуализации памяти о вытесненных переживаниях, помочь ему воссоздать не вполне оконченную картину прошлых лет, обращая особое внимание на требование ее правдоподобности и убедительности. При этом важно понимать, что требуется не столько проверять сами факты реконструированного прошлого, сколько исходить из принципа психологической, а не фактической истинности смысла (как истории переживания, оставившей свой след в жизни субъекта).

Нарративный же консультант убежден в множественности правды со стороны клиента, что дает ему возможность совершенно по-разному трактовать проблему и способы ее разрешения [13]. Так, Д. Спенс предлагает разделить историческую и личностную, нарративную истины [25]. По мнению Д. Спенса, нарративы, с которыми имеет дело психолог, не столько репрезентируют, отражают смысл событий, сколько создают этот смысл из хаоса переживаемого опыта. Нарративная истина психологической интерпретации в консультировании состоит в том, что интерпретация позволяет соединить разрозненные фрагменты опыта в единое целое, интегрировать болезненные и причудливые воспоминания в хорошо простроенную, осмысленную историю. Условную «истинность» интерпретации нужно оценивать по тому психотерапевтическому эффекту, который она оказывает на клиента.

В нарративной подходе в практической психологии представление о линейности времени как о необратимой последовательности «прошлое–настоящее–будущее» вызывает некоторый скепсис. Время в данном подходе видится в качестве принципа организации действий, характера формирования опыта, который может быть изменен по желанию рассказчика. В данном подходе настоящее содержит в себе как части целого собственное прошлое и будущее, таким же образом выстроено весь временной пласт клиента. Определенный момент жизни можно вспомнить, вообразить и неоднократно прожить заново посредством нарративного перерассказывания. «Прошлое–настоящее–будущее» осмысливаются клиентом как подвижный текст, имеющий начало, середину и конец. При этом субъект может изменять его по своему усмотрению, задавать любую последовательность событий. Рождающиеся в ходе нарративного подхода альтернативные истории расширяют репертуар ролей и перспектив, а также обогащают идеи о собственной идентичности клиента. Когда он перерассказывает какой-то эпизод,

то становится автором своего жизненного опыта. Этот процесс создает у клиента чувство собственного влияния на свою жизнь, смыслообретения, рефлексии. В процессе построения рассказа клиент имеет возможность исследовать свое Я в двух направлениях: диахроническом (в динамике жизненного мира во времени) и синхроническом (в сравнении своего мира с жизненным миром другого).

Анализ психологом используемых клиентом лингвистических паттернов как некоего автоматизированного обозначения важных жизненных эпизодов, проблемных ситуаций, а также их возможных исходов связан с разработкой Д. Макадамсом модели идентичности, основанной на жизненной истории личности [26]. С позиции Д. Макадамса, личность формирует свою идентичность с помощью интериоризованного нарратива, схожего с личным мифом, который возникает и оформляется в подростковом периоде и далее перепроверяется, видоизменяется на протяжении всей жизни. Таким образом, идентичность личности поддерживается именно посредством нарратива. Я-нарратив выступает не в форме единственной истории, а в совокупности всех жизненных сюжетов, в которых проявляет себя Я. Нарратив личности может быть представлен как повествование с множеством действующих лиц, в роли которых выступают различные Я-образы личности. Все же эти действующие лица относятся физически к одному телесно ограниченному автору. Цель нарративного подхода в практической психологии состоит в создании условий для подробного и насыщенного описания необязательно линейной, но предпочтаемой истории субъекта, обратившегося за консультацией.

Возможность понимания мира через идею нарратива не просто выступает умозрительной языковой игрой психолога с клиентом, она является техникой конструирования реальности для них обоих. Именно на этом основана постнеклассическая, незэкспертная и децентрированная терапевтическая позиция специалиста, осуществляющего работу в нарративном подходе.

Если говорить в терминах Л.С. Выготского, то под нарративной практикой понимается работа «в зоне ближайшего развития» [27], когда с помощью терапевта клиент осуществляет переход от привычного, знакомого к потенциально возможному в своей жизни. Таким образом, консультант выстраивает беседу, не занимая экспертную позицию при интерпретации слов клиента, а беря на себя ответственность за сам процесс задавания нужных в определенный момент вопросов. С помощью такого метода консультант содействует постепенному выстраиванию клиентом желаемого и все более полного описания предпочитаемой жизненной истории. Переход от бедного, однозначного, основанного на ярлыках описания истории к насыщенному описанию позволял клиенту уйти от тотального дискурса «норма / не норма» к много-

мерному, восстанавливающему контакт с собой и своими ценностями рассказу.

В рамках нарративной беседы любое знание рассматривается как находящееся в определенном контексте. Это означает, что носитель знания транслирует его с определенной позиции и не может претендовать на всеобщность и универсальность. Доминирующая история человека может оцениваться скорее не как истинная или ложная, а как ресурсная, т.е. открывающая клиенту возможности для развития, или проблемная, препятствующая самореализации. Нарративный подход, кроме того, подразумевает, что клиент не отождествляется со своей проблемой, следовательно, в его нарративном Я существует большое количество иных потенциально возможных или уже актуализированных уникальных дискурсов, выходящих за пределы проблемного.

Таким образом, беседа в нарративной психотерапии строится, в первую очередь, на осознании ограниченного влияния ставшей доминирующей проблемной истории со стороны клиента. Например, клиентка А., недовольная собственной внешностью и отсутствием личной жизни, может считать для своего рассказа ведущим следующее убеждение: «Я не соответствую идеальной форме, поэтому буду никому не нужной». Проблемность данного нарратива состоит в невозможности клиентки управлять своей жизнью, поскольку героиня этой истории способна получить любовь только извне при условии идеальной и при этом невозможной в реальности внешности. В этот момент она бессознательно находится под одновременным влиянием двух распространенных в современном мире доминирующих дискурсов: а) технологического, где оторванное от Я тело воспринимается как механизм, требующий постоянного поддержания и вмешательства для сохранения молодости и привлекательности; и б) капиталистического, в котором человек и его доведенное до заданного идеала тело воспринимаются как собственность, имеющая определенную цену на рынке человеческих отношений.

Далее, на основе выявленных в рассказе клиента противоречий и внутренней несогласованности, неубедительности, психолог способствует выстраиванию альтернативной истории. Выявив некоторое событие, действие, чувство или мысль, которые выходят за рамки и не поддерживают рассказанную проблему, психолог старается получить о них как можно больше сведений. Например, клиентка А. может выстроить в качестве альтернативной историю о ее бесконечной любви к своей бабушке, дряблость тела которой напоминает ей о необходимости дарить любовь и свое общение здесь и сейчас, пока жизнь дает такую возможность. Этот эпизод жизни клиентки примечателен, поскольку он представляет собой уникальный, т.е. отличный от проблемного, предпочтаемый дискурс. В данном случае психолог основывает-

ся на недирективном и постепенном разворачивании клиентской истории в сторону более ресурсной, где героиней эмоционально проживается безусловность любви через рассказ о значимом близком человеке, с которым ее связывают прочные доверительные отношения.

На следующем этапе через эту более ресурсную историю нарративный консультант может вывести клиентку на рассказывание предпочтаемой истории, в которой она находится в близких и доверительных отношениях с мужчиной, любит и любима в своем постоянно изменяющемся и неидеальном, но живом и уже потому ценном самом по себе теле. Далее, убедившись, что для клиента история является действительно предпочтаемой и ресурсной, нарративный консультант задает вопросы для создания многомерного, яркого, живого описания этой истории. Например, он просит клиентку А. наиболее подробно описать последовательность событий в прошлом, настоящем и потенциальном будущем так, чтобы упомянутые истории стали связаны общей ценностно-смысовой тематикой безусловной любви в самом широком диапазоне ее проявлений. Через такое подробное проговаривание предпочтаемой истории клиент приобретает нечто символически важное, связанное с его субъектностью, авторством в своей жизни, следовательно, со способностью управлять собственной жизненной историей. В качестве завершающего этапа нарративный консультант способствует пониманию со стороны клиента необходимости в более продолжительном поддержании предпочтаемой истории в некотором сообществе, не разделяющем первичного проблемного дискурса. Это способствует тому, что клиент оказывается способным к противостоянию последствиям влияния проблемы на собственную жизнь, у него рождается поддерживающее чувство своего движения в предпочтитаемом направлении.

Нарративная беседа решает задачу включения личностного смысла клиента в систему сложных жизненных отношений человека с миром. В процессе создания нарратива клиент формирует личный миф, который способствует перестройке всего семантического поля проблемы, а также последующему выходу из нее посредством интенсивного создания собственных смысловых ориентиров [28].

Философско-методологическая основа нарративной психотерапии исходит из представления о том, что проблема субъекта является проблемой, в то время как сам субъект проблемой не является [11]. Согласно нарративному подходу, некоторые из психологических подходов к разрешению проблемы клиента не столь эффективны, потому что язык, которым ежедневно пользуется клиент вне психологического кабинета, способствует тому, что он привычными способами продолжает осмысливать себя и свои отношения с миром как проблемные. Данное предположение исходит из интереса нарративистов к теории лингви-

стической относительности и социального конструирования реальности, а также ее дальнейшему развитию в современной психолингвистике. Посредством языка человек может говорить себе, что с ним что-то не в порядке, таким образом конструируя проблему и отождествляя себя с ней.

Для преодоления указанного языкового эффекта в нарративном подходе применяется особая лингвистическая практика – экстернализация проблемы. Посредством отделения себя от проблемной истории происходит изменение Я-нarrатива клиента, он превращается из героя отдельной проблемной истории в автора, способного дистанцироваться, присмотреться со стороны на героя в контексте его проблемы, ощутить стремление в большей мере определять характер отношений героя с проблемой, влиять на ход этих отношений.

В качестве лингвистической практики экстернализация проблемы реализуется в нарративном подходе в практической психологии в форме так называемой экстернализующей беседы с использованием ряда вопросов. Основная задача консультанта на этапе конструирования клиентом своей проблемы состоит в том, чтобы способствовать проблематизации проблемы, а не самого клиента. Таким образом, клиент помещает проблему во внешний по отношению к себе и своему Я-нarrативу контекст, занимая по отношению к ней экспертную позицию. Именно из этой позиции клиенту предлагается распознать, какие смыслы и объяснения он сам приписывает определенным событиям своей жизни.

Будучи участником проблемного поведения, а не самой проблемной личностью, клиент не просто перестраивает собственную речь, но отделяется от проблемы, приобретая больший контроль над своим нежелательным поведением. Нарративный консультант для отделения проблемы от клиента может задавать следующие вопросы: «Могли бы Вы рассказать, как развивались Ваши отношения с проблемой?», «Как бы Вы охарактеризовали Ваши отношения с проблемой на сегодняшний день?», «В какие моменты проблема наиболее сильно влияет на Вас и Вашу жизнь?», «Какие у проблемы планы и мечты по отношению к Вам?».

Лингвистической практикой, связанной с реконструированием проблемы клиента, является деконструктивная беседа. В данном случае предполагается рассмотрение проблемы с различных ракурсов. Нарративный психолог предлагает клиенту помещать проблему в более крупные контексты, которые ее потенциально поддерживают [29, 30]. Он задает следующие вопросы: «Какие “само собой разумеющиеся” способы жизни поддерживают существование проблемы?», «Какая идея стоит за объяснением данной проблемы у людей?». Деконструктивная беседа способствует тому, что клиент обнаруживает более об-

шую историю, удерживающую проблему, а также получает возможность отказаться от нее в пользу более привлекательного рассказа, содержащего ресурсы для клиента [31]. Деконструкция проблемы связана с поиском оснований для идей и позиций клиента, который позволяет человеку осознать, что именно он является автором своей истории и, в конце концов, всей жизни [32].

Заключение

Благодаря накопленным знаниям в рамках сложившейся традиции исследования нарратива в лингвистике в XX в., это понятие в конце 1980-х гг. вышло за границы отдельной научной дисциплины и вызвало более широкую дискуссию, а затем и осмысление учеными других социально-гуманитарных наук, включая психологию [33]. Междисциплинарность нарративного подхода открыла большие возможности в этой области исследования. Сегодня нарративный подход является одним из самых перспективных и активно развивающихся направлений психологической науки и практики, поскольку в нем было предложено исследовать смысловую структуру изменяющейся во времени идентичности в отличие от преобладавшего в XX в. позитивистского взгляда на личность как совокупность относительно стабильных психических атрибутов [34].

Согласно нарративному подходу, субъект посредством нарративных структур не только воспринимает окружающий мир, но и осознает, воображает, совершает личностные выборы [35]. Для осмысления своего жизненного опыта личность обращается к многообразным правилам построения рассказов и бытующим в культуре сюжетным линиям, посредством которых субъект выстраивает жизненную историю и конструирует собственную идентичность [36]. Можно выделить два пути овладения личностью своим жизненным путем. С одной стороны, через овладение структурой собственного времени жизни, с другой – через самоорганизацию событийного пласта жизни. Эти методологические приемы исследования активности личности как становления субъектности посредством нарративных практик рассказывания клиента о случившемся представляют собой механизмы формирования, хранения и ретрансляции развернутого во времени событийного человеческого опыта.

Нарратив, будучи одной из самых распространенных дискурсивных практик, может быть рассмотрен с различных эпистемологических позиций. Данное понятие сопряжено с ключевыми понятиями современной философии, в частности субъектом, языком, опытом, временем. Будучи языковой конструкцией, нарратив может выступать как особое условие приобретения знания, он играет роль своеобразного фокуса, направляющего мышление и помогающего формированию различных

личностных смыслов. Нарративы становятся выразителями норм, смыслов и ценностей определенной культуры, поскольку они зависят от языка и культуры. Одновременно с этим нарративы свидетельствуют об уникальном жизненном опыте, не способном в отношении отдельно взятого клиента оправдать заданные культурные ожидания. Учитывая вышеизложенное, нарратив целесообразно анализировать с позиции психолингвистической практики, предполагающей постоянное изменение, обновление континуума нормы / не нормы, проблемности / ресурсности события в жизненном мире клиента.

Реализация потенциала личности в нарративной практике определяется ее готовностью к конструктивной активности, проявлению инициативы, преодолению себя и требований внешней среды посредством не пассивного приспособления к ней, а аутентичной неадаптивной самодетерминации в ходе непрерывного становления субъектности. Последняя понимается как самоиницирование личности, собственно субъектная характеристика, отличающая личность, способную на активное преобразование действительности через продолжение в ней своего нарративного Я, гибкое и мобильное поведение, внутреннюю вовлеченность в происходящие с человеком внутренние и межличностные события.

Литература

1. **Bagautdinov A.A., Minkin M.R., Ivanov A.F., Nizameeva A.M.** Language as a constructor of social and cultural reality // XLinguae. 2018. Vol. 11 (1). P. 33–42. DOI: 10.18355/XL.2018.11.01XL.04.
2. **Mcleod J.** Qualitative research in counselling and psychotherapy. L. : Sage Publications Ltd., 2001. 352 p.
3. **Петренко В.Ф.** Базовые метафоры как геном (зародыш) будущей теории (на материале психологической науки) // Вопросы философии. 2012. № 4. С. 87–98.
4. **Lacan J.** Écrits: A Selection / transl. by Alan Sheridan. N.Y. : W.W. Norton & Co., 1977. 373 p.
5. **Пропп В.Я.** Морфология сказки. М. : Наука, 1969. 168 с.
6. **Ефимкина Р.П.** Пробуждение Спящей красавицы: психологическая инициация женщины в волшебных сказках. СПб. : Речь, 2006. 262 с.
7. **Юнг К.Г.** Человек и его символы. М. : Серебряные нити ; СПб. : ACT, 1997. 367 с.
8. **Barthes R.** Introduction à l'analyse structurale des récits // Communications. 1966. Vol. 8 (1). P. 1–27.
9. **Sarbin T.R.** Narrative Psychology: The storied nature of human conduct. Praeger, 1986. 303 p.
10. **Bruner J.S.** The narrative construction of reality // Critical Inquiry. 1991. Vol. 18 (1). P. 1–21. DOI: 10.1086/448619.
11. **White M., Epston D.** Narrative means to therapeutic ends. N.Y. : W.W. Norton & Co., 1990. 229 p.
12. **Hiles D., Čermák I.** Narrative psychology. In: Handbook of Qualitative Research in Psychology. L. : Sage Publications Ltd., 2008. P. 147–164.
13. **Madigan S.** Narrative Therapy. Theories of Psychotherapy. American Psychological Association, 2010. 202 p.

14. *Denborough D.* Retelling the stories of our lives: everyday narrative therapy to draw inspiration and transform experience. N.Y. : W.W. Norton & Co., 2014. 310 p.
15. *Shotter J., Gergen K.J.* Texts of identity (Inquiries in social construction series, vol. 2). L. : Sage Publications Ltd., 1989. 244 p.
16. *Penuel W.R., Wertsch J.V.* Vygotsky and identity formation: a sociocultural approach // Educational Psychologist. 1995. Vol. 30 (2). P. 83–92. DOI: 10.1207/s15326985ep3002_5.
17. *Stetsenko A., Arievitch I.* Constructing and deconstructing the self: Comparing post-Vygotskian and discourse-based versions of social constructivism // Mind, Culture and Activity. 1997. № 4. P. 160–173. DOI: 10.1207/s15327884mca0403_3.
18. *Фуко М.* Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / пер. с франц. Б.М. Скуратова ; под общ. ред. В.П. Большакова. М. : Практис, 2006. Ч. 3. 320 с.
19. *Chiari G., Nuzzo M.L.* Psychological constructivism: A metatheoretical differentiation // Journal of Constructivist Psychology. 1996. № 9. P. 163–184. DOI: 10.1080/10720539608404663.
20. *Watzlawick P.* How Real is Real? N.Y. : Vintage Books, 1977. 266 p.
21. *Кириллова Е.И.* Интенциональная структура слова в психотерапевтической помощи другому // Мир психологии. 2014. № 2 (78). С. 190–201.
22. *Кисляков П.А., Сорохоумова С.Н., Егорова П.А.* Психолингвистическая безопасность личности студента и ее обеспечение в процессе обучения в вузе // Язык и культуры. 2020. № 49. С. 199–218. DOI: 10.17223/19996195/49/13.
23. *Potter J., Wetherell M.* Discourse and Social Psychology: Beyond Attitudes and Behavior. L. : Sage Publications Ltd., 1987. 303 p.
24. *Фрейд З.* Психопатология обыденной жизни. М. : Эксмо, 2015. 189 с.
25. *Spence D.P.* Narrative truth and historical truth: Meaning and interpretation in psychoanalysis. N.Y. : W.W. Norton & Co., 1982. 320 p.
26. *Mcadams D.P.* Power, intimacy, and the life story. Personological inquiries into identity. N.Y. : Guilford, 1988. 336 p.
27. *Выготский Л.С.* Лекции по психологии. Мысление и речь. М. : Юрайт, 2018. 459 с.
28. *Леонтьев Д.А.* Лабиринт идентичностей: не человек для идентичности, а идентичность для человека // Философские науки. 2009. № 10. С. 5–10.
29. *Brockmeier J., Harré R.* Narrative: problems and promises of an alternative paradigm // Research on language and social interaction. 2010. Vol. 30, № 4. P. 263–283. DOI: 10.1207/s15327973rlsi3004_1.
30. *Жорняк Е.С.* Нarrативная психотерапия // Журнал практической психологии и психоанализа. 2005. № 4. URL: <http://psyjournal.ru/articles/narrativnaya-psihoterapiya>
31. *Калмыкова Е.С., Мергеншталер Э.* Нarrатив в психотерапии: рассказы пациентов о личной истории // Журнал практической психологии и психоанализа. 2002. № 2. URL: <http://psyjournal.ru/articles/narrativ-v-psihoterapii-rasskazy-pacientov-o-lichnoy-istorii-chast-ii>
32. *Lynne G.* Relational ethics in practice: narratives from counselling and psychotherapy. L. : Rutledge, 2009. 208 p.
33. *Lau I.Y.M., Lee S.I., Chiu C.Y.* Language, cognition, and reality: constructing shared meanings through communication // The psychological foundations of culture. Mahwah, NJ : Lawrence Erlbaum Associates, 2004. P. 77–100.
34. *McLeod J.* Narrative and Psychotherapy. L. : Sage Publications Ltd., 1997. 180 p.
35. *Muntigl P., Horvath, A.O.* “I can see some sadness in your eyes”: When experiential therapists notice a client’s affectual display // Research on Language and Social Interaction. 2014. Vol. 47 (2). P. 89–108. DOI: 10.1080/08351813.2014.900212.
36. *Muntigl P.* Narrative counselling; social and linguistic processes of change. Amsterdam : John Benjamins B.V., 2004. 347 p.

Сведения об авторах:

Карабущенко Наталья Борисовна – доктор психологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов (Россия, Москва). E-mail: karabushchenko_nb@pfur.ru

Пилишвили Татьяна Сергеевна – кандидат психологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов (Россия, Москва). E-mail: pilisvhili_ts@pfur.ru

Сорокуомова Светлана Николаевна – доктор психологических наук, профессор, Российской государственный социальный университет (Москва, Россия); Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (Рязань, Россия). E-mail: 4013@bk.ru

Поступила в редакцию 11 августа 2020 г.

NARRATIVE APPROACH IN PSYCHOLOGICAL PRACTICE: LANGUAGE RECONSTRUCTION OF A PROBLEM

Karabuschenko N.B., D.Sc. (Psychology), Professor, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russia). E-mail: karabushchenko-nb@rudn.ru

Pilishvili T.S., Ph.D. (Psychology), Associate Professor, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russia). E-mail: pilisvhili-ts@rudn.ru

Sorokouomova S.N., D.Sc. (Psychology), Professor, Russian State Social University (Moscow, Russia); Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service (Ryazan Russia). E-mail: 4013@bk.ru

DOI: 10.17223/19996195/51/2

Abstract. The relevance of the topic under study is explained by the increasingly intensive growth of the influence of the narrative approach in psychological counseling as a result of a general narrative turn in the social and human sciences, which began in the second half of the 20th century. Unlike other schools, the narrative approach views speech as a key metaphor for counseling, serving as a source of positive change and improving the quality of individual life. The purpose of the article is to describe the linguistic patterns of psychotherapeutic narrative in the dyad “client – psychologist” as a special type of discursive practice. The idea is substantiated that the linguistic reconstruction of the problem contributes to the formation of the resource aspects of the narrative self of the personality. The article reveals the features of the conversation in a narrative approach, including the problem of externalization and its reconstruction. It is shown that due to the special attention to the language on the part of the psychologist and the client himself, the narrative approach considers a much wider range of social, psychological and philosophical discourses that form a holistic narrative self, capable of self-reconstruction, self-initiation. In this regard, the narrative approach acquires special significance, since it was proposed to investigate the semantic structure of the personality's identity changing over time, in contrast to the prevailing one in the 20th century positivistic view of personality as a set of relatively stable mental attributes. To comprehend his life experience, a person turns to diverse plots that exist in culture, and the rules for constructing narratives, with their help he builds his life history and identity. The realization of a person's potential in narrative practice is determined by its readiness for constructive activity, manifestation of initiative, overcoming oneself and the requirements of the external environment through not passive adaptation to it, but authentic non-adaptive self-determination during the continuous formation of subjectivity. The latter is understood as the self-initiation of personality, the actual subjective characteristic, distinguishing personality, capable of actively transforming reality through the continuation of its “narrative I” in it, flexible and mobile behavior, internal involvement in internal and interpersonal events that occur with a person.

Keywords: narrative approach in psychology; discursive practice; “I” as a narrative; language reconstruction of a problem.

References

1. Bagautdinov A.A., Minkin M.R., Ivanov A.F., Nizameeva A.M. (2018) Language as a constructor of social and cultural reality // *XLinguae*. Vol. 11 (1). pp. 33–42. DOI: 10.18355/XL.2018.11.01XL.04
2. Mcleod J. (2001) Qualitative research in counselling and psychotherapy. London. Sage Publications Ltd., 352 p.
3. Petrenko V.F. (2012) Osnovnyye metafory kak genom (zarodysch) budushchey teorii (na materiale psikhologicheskoy nauki) [Basic metaphors as a genome (germ) of a future theory (based on the material of psychological science)] // *Voprosy filosofii*. No 4. pp. 87–98.
4. Lacan J. (1977) *Écrits: A Selection*, transl. by Alan Sheridan. N.Y.: W.W. Norton & Co., 373 p.
5. Propp V.Ya. (1969) *Morfologiya skazki* [Morphology of a fairy tale]. M.: Nauka, 168 p.
6. Efimkina R.P. (2006) *Probuzhdeniye Spyashchey Krasavitsy: psikhologicheskoye posvyashcheniye zhenshchiny v skazki* [Awakening of the Sleeping Beauty: the psychological initiation of a woman in fairy tales]. St. Petersburg: Speech, 262 p.
7. Jung K.G. (1997) *Chelovek i yego simvoli* [Man and his symbols]. M.: Silver threads; St. Petersburg: AST, 367 p.
8. Barthes R. (1966) Introduction à l'analyse structurale des récits // *Communications*. Vol. 8 (1). pp. 1–27.
9. Sarbin T.R. (1986) *Narrative Psychology: The storied nature of human conduct*. Praeger, 303 p.
10. Bruner J.S. (1991) The narrative construction of reality // *Critical Inquiry*. Vol. 18 (1). pp. 1–21. DOI: 10.1086/448619
11. White M., Epston D. (1990) *Narrative means to therapeutic ends*. N.Y.: W.W. Norton & Company, 229 p.
12. Hiles D., Čermák I. (2008) Narrative psychology. In: *Handbook of Qualitative Research in Psychology* Willig, C. –Stainton-Rogers W. (Eds.). London: Sage Publications Ltd., pp. 147–164.
13. Madigan S. (2010) *Narrative Therapy. Theories of Psychotherapy*. American Psychological Association, 202 p.
14. Denborough D. (2014) *Retelling the stories of our lives: everyday narrative therapy to draw inspiration and transform experience*. N.Y: Norton & Company, 310 p.
15. Shotter J., Gergen K.J. (1989) *Texts of identity* (Inquiries in social construction series, vol. 2). London: Sage Publications Ltd., 244 p.
16. Penuel W.R., Wertsch J.V. (1995) Vygotsky and identity formation: a sociocultural approach // *Educational Psychologist*. Vol. 30 (2). pp. 83–92. DOI: 10.1207/s15326985ep3002_5
17. Stetsenko A., Arievitch I. (1997) Constructing and deconstructing the self: Comparing post-Vygotskian and discourse-based versions of social constructivism // *Mind, Culture and Activity*. No 4. pp. 160–173. DOI: 10.1207/s15327884mca0403_3
18. Foucault M. (2006) *Intelligentsiya i vlast': izbrannyye politicheskkiye stat'i, rechi i interv'yu* [Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches, and Interviews] / Per. with french B.M. Skuratova under the general editorship. In P. Bolshakova. M.: Praxis, Part 3. 320 p.
19. Chiari G., Nuzzo M.L. (1996) Psychological constructivism: A metatheoretical differentiation // *Journal of Constructivist Psychology*. No 9. pp. 163–184. DOI: 10.1080/10720539608404663
20. Watzlawick P. (1977) *How Real is Real?* Vintage Books, N.Y. 266 p.
21. Kirillova E.I. (2014) *Intentsional'naya struktura slova v psikhoterapevticheskoy pomoshchi drugomu* [The intentional structure of a word in psychotherapeutic assistance to another] // *Mir psikhologii*. No. 2 (78). pp. 190–201.

22. Kislyakov P.A., Sorokoumova S.N., Egorova P.A. (2020) Psikhologivsticheskaya bezopasnost' lichnosti studenta i yeje obespecheniye v uchebnom protsesse v vuze [Psycholinguistic safety of a student's personality and its provision in the learning process at a university] // Yazyk i kul'tura. No. 49. pp. 199–218. DOI: 10.17223 / 19996195/49/13
23. Potter J., Wetherell M. (1987) Discourse and Social Psychology: Beyond Attitudes and Behavior. London: Sage Publications Ltd., 303 p.
24. Freud Z. (2015) Psikhopatologiya obydennoy zhizni [Psychopathology of everyday life]. M.: Eksmo, 2015. 189 p.
25. Spence D.P. (1982) Narrative truth and historical truth: Meaning and interpretation in psychoanalysis. N.Y.: Norton, 320 p.
26. Meadams D.P. (1988) Power, intimacy, and the life story. Personological inquiries into identity. N.Y.: Guilford. 336 p.
27. Vygotsky L.S. (2018) Lektsii po psikhologii. Myshleniye i rech' [Lectures on psychology. Thinking and Speech]. M.: Yurayt, 459 p.
28. Leontiev D.A. (2009) Labirint identichnostey: ne lichnost' dlya lichnosti, a lichnost' dlya cheloveka [Labyrinth of identities: not a person for identity, but identity for a person] // Filosofskiye nauki, No. 10. pp. 5–10.
29. Brockmeier J., Harre R. (2010) Narrative: problems and promises of an alternative paradigm // Research on language and social interaction, Vol. 30. No. 4. pp. 263–283. DOI: 10.1207/s15327973rlsi3004_1
30. Zhorniyak E.S. (2005) Narrativnaya psikhoterapiya [Narrative Psychotherapy] // Zhurnal prakticheskoy psikhologii i psikoanaliza, No. 4. The article is available online: <http://psyjournal.ru/articles/narrativnaya-psihoterapiya>
31. Kalmikova E.S., Mergenthaler E. (2002) Narrativ v psikhoterapii: rasskazy pacientov o lichnoy istorii [Narrative in psychotherapy: patient stories about personal history] // Zhurnal prakticheskoy psikhologii i psikoanaliza, No. 2. The article is available online: <http://psyjournal.ru/articles/narrativ-v-psihoterapii-rasskazy-pacientov-o-lichnoy-istorii-chast-ii>
32. Lynne G. (2009) Relational ethics in practice: narratives from counselling and psychotherapy. Rutledge, 208 p.
33. Lau I.Y.M., Lee S.I., Chiu C.Y. (2004) Language, cognition, and reality: constructing shared meanings through communication. In: M. Schaller & C.S. Crandall (Eds.), The psychological foundations of culture. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates. pp. 77–100.
34. Mcleod J. (1997) Narrative and Psychotherapy. London: Sage Publications Ltd. 180 p.
35. Muntigl P., Horvath, A.O. (2014) “I can see some sadness in your eyes”: When experiential therapists notice a client's affectual display // Research on Language and Social Interaction, Vol. 47 (2). pp. 89–108. DOI: 10.1080/08351813.2014.900212
36. Muntigl P. (2004) Narrative counselling; social and linguistic processes of change. Amsterdam: John Benjamins B.V., 347 p.

Received 11 August 2020